Шукшин Василий 23.07.2004

дата

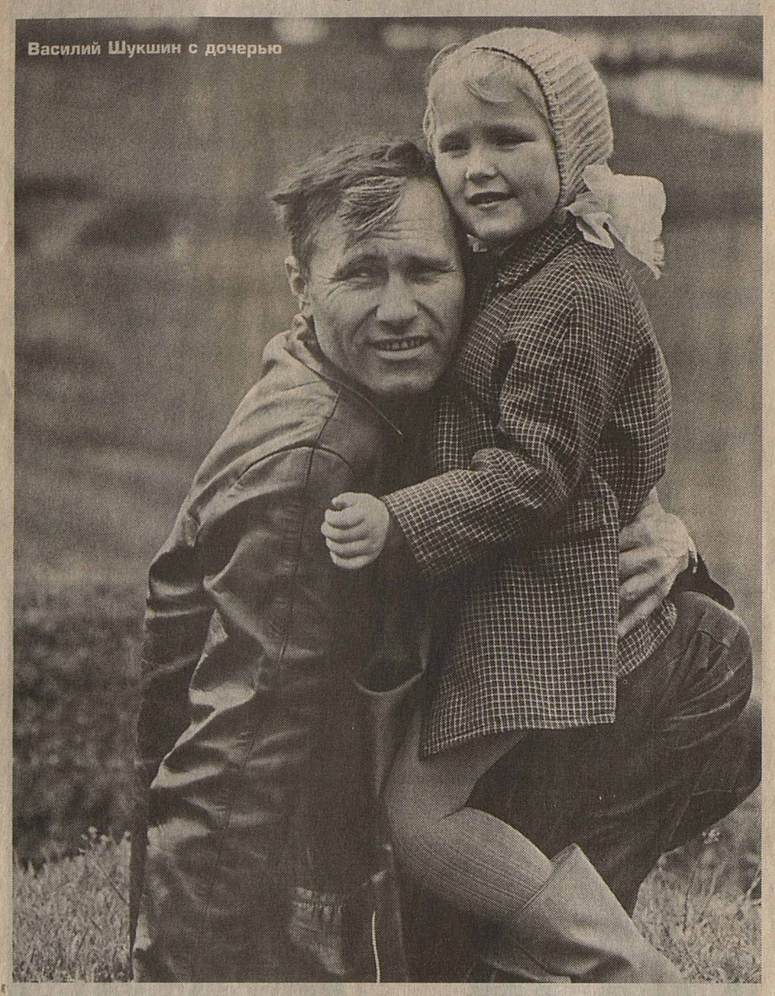
«Литература у него была вроде инфекции. У него было так: напишет, вроде бы надо остановиться, а ему нужно это обязательно воплотить в кино, чтобы это не только читали, но и видели»

75 лет Василию Шукшину

Фотограф: Анатолий Ковтун

“Вася всегда думал, что оставит кино и будет писать”

75 лет Василию Шукшину



Василий Шукшин с дочерью

01 стр

Вещи, которые писались тогда, были детские?
Наверняка. Я-то не знаю, потому что он мне не показывал. Я только носила их на почту в Сростках, хотя он тогда учился в Бийске и там писал.

Когда он работал над большими историческими вещами — над «Любавиными», над «Разиным», — вы с ним общались?
Конечно.

Где он брал материал?
Однажды он, радостный, довольный, сказал, что его допустили в Библиотеку имени Ленина. Видимо, туда не каждого пускали, я не знаю. Но он ею пользовался.

Что он больше ценил — писательскую работу или работу в кино?
Наверное, грани здесь нет. Я считаю, что литература у него была вроде инфекции. У него было так: напишет, вроде бы надо остановиться, а ему нужно это обязательно воплотить в кино, чтобы не только читали, но и видели. Вот, например, как возникла «Калина красная». Он посетил детскую колонию в Бийске. Там дети до 18 лет. Он пришел и сказал: «Я не я буду, если не поставлю фильм о них». А Егору Прокудину в фильме 42 года. Я недоумевала: «Вася, ты же посетил детскую колонию». А он сказал: «Я пошел дальше. Егор Прокудин в 18 лет был таким же». Прокудин ведь там рецидивист... Вася всегда думал, что оставит кино и будет писать, — так он говорил. А я ему говорила: нет, Вася, не оставишь ты кино. Ты опять что-нибудь напишешь, и опять у тебя будет сценарий.

То есть это как маятник — от одного к другому?
Да-да, как маятник.

Как вы думаете, какое из двух увлечений у него возникло раньше? Ведь к тому времени, когда он поступил во ВГИК, он уже писал?
Он поступил в два института одновременно: во ВГИК и в Историко-архивный заочно. Документы-то были одни, но в Историко-архивном он сказал, что документы идут по почте. Это была неправда, а документы он сдал в Институт кинематографии. Когда он сдал экзамены, нам прислал телеграмму: «ВГИК — очно, Историко-архивный — заочно. Советуй». Это он написал маме. Мама не знала, что такое ВГИК. Она была парикмахером. Когда получили телеграмму, в кресле у нее сидел мой троюродный брат. Он ей расшифровал. Слово «очно» ее подхлестнуло. Она Васе послала телеграмму: «Только очно. Мама». Учась заочно, он должен был жить в Сростках. А если очно, то в Москве. Он прекрасно знал, что мама одна — я тогда еще была студенткой, училась в Новосибирском пединституте, — и что маме будет очень тяжело поднимать двух студентов. Но наша мама была оптимисткой во всех отношениях. А экзаменационные оценки у него и там, и там были отличные. Он любил историю. Разиным он был заражен тоже с детства. Любил разинские песни.

Наталья Макаровна Зиновьева (Шукшина), сестра Василия Шукшина
Фотограф: Альберт Багаутдинов

А сам пел?
Да. И мать, и ее сестры тоже были голосистые. Он любил и слушать, и петь. Он был музыкальный.

На гитаре он играл?
Нет, на гармошке. На двухрядке.

Что он любил петь?
В основном старинные песни, народные. Он любил их, поэтому у него что ни фильм, то обязательно за столом поются старинные песни. Эти песни отражают специфику жизни, и ему это было важно.

А почему он решил заниматься кино?
Ему дал совет один кинорежиссер. Я забыла, как его зовут. Вася ему сказал, что любит литературу. А тот ему говорит: «Так ты поступай в институт кинематографии, учись на режиссера. Там тебе и литература будет. Ты будешь сам писать сценарии и ставить картины».

Он был тогда совсем молодой?
Ему было двадцать пять.

Помните ли вы что-нибудь о том, как он начинал в качестве режиссера?
У него был дипломный фильм во ВГИКе на режиссерском — «Из Лебяжьего сообщают».

Насколько я знаю, в 1953—1954 годах он работал в Сростках учителем. Почему он решил этим заняться?
Вася сдал экзамены за 10 классов экстерном, и ему предложили комсомольскую работу. Семья наша была бедная, и он решил остаться на год поработать — наверное, хотел подзаработать денег и только потом ехать в Москву, но от комсомольской работы отказался. И тогда ему директор нашей сростинской школы предложил работать в вечерние часы, вести русский, литературу и историю. Он готовился к урокам очень капитально. Наверное, каждый учитель-предметник мог бы ему позавидовать... или наоборот, не позавидовать.

С Сергеем Бондарчуком на съемках фильма «Они сражались за Родину». 1975

Чтобы столько успевать, нужно было, наверное, все очень быстро делать. Он был быстрый человек?
Нет, я бы не сказала, что быстрый — но и не медлительный; просто разумный.

Как он относился к почестям — например, в 1969 году ему дали «Заслуженного деятеля искусств», — было ли это для него важно?
Тогда ведь был Советский Союз, а это было звание «Заслуженный артист России». Я работала в НИИ программистом и всегда просматривала газеты. Очень любила «Литературную». И вот я увидела, что Вася награжден. Я позвонила ему в Москву поздравить. А он говорит: «Да ну, это же по России». Ему нужно было шире.

Когда он жил в Москве, часто ли он бывал дома в Сростках?
Москву он, признаться, не любил. Если почитать его рассказы, станет понятно, почему — он был сельский житель. Но дома его все же редко видели. Он иногда обещал приехать на месяц, а сам приезжал максимум на неделю. Потом его опять вызывали в Москву.

А как к его известности относились односельчане, с которыми он издавна был знаком?
В точности так же, как и раньше. И с его стороны не было никакого зазнайства. Его отношение к друзьям никак не изменилось — и они точно так же звали его на рыбалку, когда он приезжал в отпуск. Хотя отпуска у него, кстати сказать, не было.

Отъезд на съемки фильма «Они сражались за Родину». 1975

На боксерском состязании с женой Лидией Федосеевой-Шукшиной

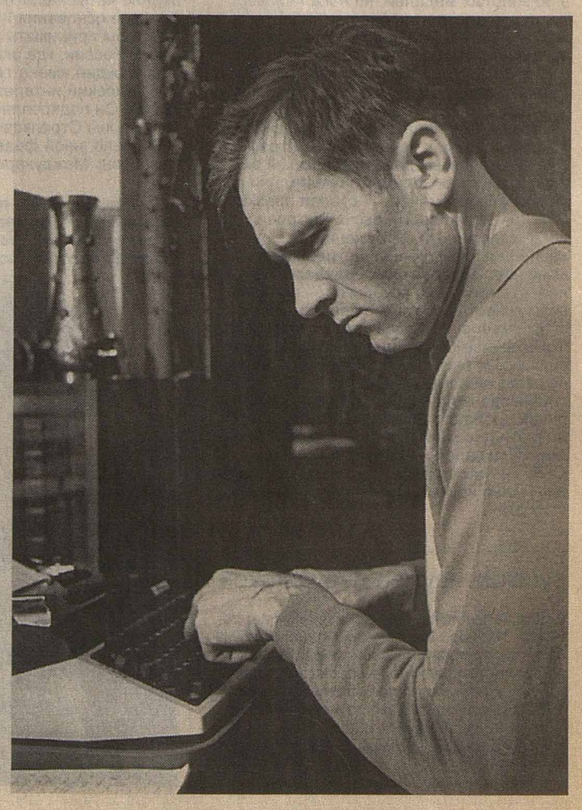
«Калина красная». 1973

киты, или о том, как мы приобщались к искусству

Газета впервые публикует творческую работу Шукшина, которую он написал при поступлении во ВГИК в 1954 году

тема:
вестибюль ВГИКа
лето
настоящие дни

Вестибюль института кино. Нас очень много здесь, молодых, неглупых, крикливых человечков. Всем нам когда-то пришла в голову очень странная мысль — посвятить себя искусству. И вот мы здесь.
Мы бессмысленно толпимся, присматриваемся друг к другу и ведем умные разговоры. Лица наши хотят выражать спокойствие и зрелость мысли. Мы очень самостоятельные люди и всем своим видом показываем, что мы родились для искусства.
Знакомимся мы настороженно, подозрительно всматриваясь друг в друга, опасаясь втайне встретить людей, которые имеют больше несомненных шансов для поступления в институт. Тревожная мысль о конкурсе не покидает нас, но у нас достает духу шутить даже на эту тему.
Время тянется томительно долго.
Наконец, получив документы, мы расходимся. В общежитии мы знакомимся ближе, но по-прежнему каждый живет своей напряженной жизнью. Впрочем, все мы единодушно сходимся на том, что только мы, девять, а не те 180 достойны поступления. Правда, для очистки совести мы говорим о том, что мы сомневаемся в удаче, и каждый из нас даже называет каких-то талантливых людей, которые уж обязательно поступят, но все это выходит у нас неискренне. Каждый знает, что он талантливее других и доказывает это каждым словом, каждым своим движением. Среди нас неминуемо выявляются т.н. киты — люди, у которых прямо на лбу написано, что он — будущий режиссер или актер.
У них, этих людей, обязательно есть что-то такое, что сразу выделяет их из среды других, обыкновенных. Вот один такой:
Среднего роста, худощавый, с подлинялыми обсосанными конфетками вместо глаз. Отличается тем, что может не задумываясь говорить о чем угодно, и все это красивым, легким языком. Этот человек умный и хитрый. У себя дома, должно быть, пользовался громкой известностью хорошего и талантливого молодого человека; имел громадный успех у барышень. Он понимает, что одной только болтовней, пусть красивой, нас не расположить к себе — мы тоже не дураки, поэтому он вытаскивает из чемодана кусок сала, хлеб и с удивительной неискренностью всех приглашает к столу. Мы ели сало и, может быть, понимали, что сала ему жалко, потому понимали, что слишком уж он хлопотал, разрезая его и предлагая нам. Но нас почему-то это не смущало, мы думали, что это так и следует делать в обществе людей искусства.
Разговор течет непринужденно, мы острим, рассказываем о себе, а выждав момент тишины, говорим что-нибудь особенное, необыкновенно умное, чтобы сразу уж заявить о себе. Мы называем друг друга Коленькой, Васенькой, Юрой, хотя это несколько не идет к ним.
В общем гаме уже выявляются голоса, которые обещают в будущем приобрести только уверенный тон маэстро. Здесь, собственно, и намечаются киты.
Человечек с бесцветными глазами и прозрачным умом рассказывает между прочим о том, что Тамара Макарова замужем за Герасимовым, что у Ромма какие-то грустные глаза, и добавляет, что это хорошо, что однажды он встретил где-то Гурзо и даже, кажется, прикурил от его папиросы. И все это с видом беспечным, с видом, который говорит, что это — еще пустяки, а впереди будет еще хлеще.
Незаметно этот вертлявый хитрец одолевает нашим вниманием и с видимым удовольствием сыплет словечками, как горох. Никто из нас не считает его такой уж умницей, но все его слушают — из уважения к салу.
Почувствовав в нем ложную силу и авторитет, к нему быстро и откровенно подмазывается другой кит — человек от природы грубый, но нахватавшийся где-то «культурных верхушек». Этот, наверное, не терпит мелочности в людях, и, чтобы водиться с ним, нужно всякий раз рассчитываться за выпитое вместе пиво не моргнув глазом, ничем не выдавая своей досады. Он не обладает столь изящным умом и видит в этом большой недостаток. Он много старше нас, одевается со вкусом и очень тщательно. Он умеет вкусно курить, не выносит грязного воротничка, и походка у него какая-то особенная — культурная, с энергичным выбросом голеней вперед. Он создает вокруг себя обаятельную атмосферу из запаха дорогого табака и духов.
Он не задумываясь, прямо сейчас стал бы режиссером, потому что «знает», как надо держать себя режиссеру.
Вечером киты поют под аккомпанемент гитары «сильные вещи». Запевает глистообразный тип, запевает мягким, приятным голосом: «Ваши пальцы пахнут ла-аданом...»
Второй подхватывает мелодию, поет он скверно и портит все, но поет старательно и уверенно. Мы слушали, и нас волновала песня. Только всем нам, пожалуй, странно немножко: дома мы пели «Калинушку», читали книжки, любили степь и даже не подозревали, что жизнь может быть такой сложной и, по-видимому, интересной. Особенно же удивили нас киты — эти видавшие виды люди, — когда они не ночевали в общежитии, а явившись утром, на наш вопрос ответили туманно:
«Да так, в одном месте».
Это было таинственно и любопытно. Киты заметно вырастали в наших глазах. Впрочем, кто-то из нас, отвернувшись, негромко сказал: «У тетки, наверное, в Москве ночевали».
Один из китов был в прошлом актер. И они подолгу разговаривали, уже не обращая на нас внимания, о горькой актерской жизни, сетовали на зрителей, которые не понимают настоящего искусства.
Да и в кинематографии тоже «беспорядочек правильный», говорили они, и не прочь были навести там наконец настоящие порядки.
В нас они здорово сомневались и не стеснялись говорить это нам в лицо.
Однако приближался день экзаменов, и киты наши как-то присмирели и начали уже поговаривать о том, что их могут не понять. В день экзаменов они чувствовали себя совсем плохо.
Наверное, правду о себе они чувствовали не хуже нас. Когда наконец один из них зашел в страшную дверь и через некоторое время вышел, у нас не было сомнения в том, что этот провалился. Мы с каким-то неловким чувством обступили его в вестибюле и начали закидывать ненужными вопросами. Кит рассказал, как он «рубал» на экзаменах, а в глазах у него метался страх и неуверенность. Словечки по-прежнему свободно сыпались у него изо рта, но видно было, что он вспоминает неприятные ощущения испытаний.
Он, кажется, начинал понимать, что нужно было не так. И в тот момент, когда лицо его приобретает естественное выражение, — его жалко. Но тут же вспоминает, он — прежний кит, самоуверенный и невнимательный, жалость пропадает. «Пусть тебя учит жизнь, если ты не хочешь слушать людей». (Архив В.М. Шукшина)



На сохранившейся работе Шукшина помимо отличной оценки стоит следующая рецензия преподавателя ВГИКа:
«Хотя написана работа не на тему и условия не выполнены, автор обнаруживает режиссерское дарование и заслуживает отличной оценки».

Редакция благодарит Всероссийский мемориальный музей-заповедник В.М. Шукшина в селе Сростки за предоставленный текст.